

АЛЕКСА К.

$$V_z = \sqrt{\frac{2GM}{R}}$$

$$f = \frac{1}{2\pi} \sqrt{\frac{k}{m}}$$

КАРТА ВЫЖЖЕННЫХ МЕСТ

Алекса К.

Карта выжженных мест

<https://litres.ru/74658343>

SelfPub; 2026

Аннотация

Марк — бунтарь с баллоном краски, для которого город — это холст. Алина — гениальная скрипачка, для которой мир сузился до размеров золотой клетки и кровавого следа от подбородника на шее.

Их встреча в стенах элитной гимназии кажется ошибкой системы. Он дышит пылью заброшенных строек, она — канифолью концертных залов. Но когда ледяной порядок школы начинает ломать их волю, два абсолютных одиночества находят общий язык: язык сопротивления.

Это история не о спасении «плохого мальчика». Это хроника архитектурного взрыва, где формула второй космической скорости встречается с законом акустического резонанса. Спасти другого здесь можно, только разрушив собственный панцирь.

Содержание

Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Алекса К.

Карта выжженных мест

Пролог

Говорят, если долго смотреть на огонь, можно увидеть будущее. Чуть полная. Если долго смотреть на пламя газовой горелки в отцовском кабинете, можно заработать только резь в глазах и стойкое желание сжечь к чертям этот паркет из карельской березы.

Я сидел в его кресле. Оно было мне велико. Кожаные подушки проглотили меня так глубоко, что коленки торчали где-то на уровне ушей. Ноги в грязных кедах не доставали до пола, поэтому я покачивал ими в воздухе, сбивая ритм собственного сердцебиения. Тук-тук. Слишком быстро. Адреналин — дешевое топливо, он выгорает моментально, оставляя после себя лишь липкий стыд.

На дубовом столе стояла птичья клетка. Антикварная, витая, покрытая сусальным золотом. Пустая. Отец купил ее на аукционе за сумму, которой хватило бы моей матери на лечение спины в лучшей клинике Швейцарии. Но мать лечила спину обычными мазями из районной аптеки, а клетка стояла здесь как памятник тому, чего нет. Идеальная форма для существа, которое отказалось в нее садиться. Для меня.

— Двадцать тысяч рублей, Марк. Голос отца не дрогнул. Он вообще никогда не повышал тон. Его голос был спроектирован для того, чтобы перекрывать шум стройплощадок и визг недовольных акционеров. — Столько стоит один квадратный метр аэрозольной краски, которую ты списал со склада строительной фирмы моего партнера. По накладным это значилось как «растворитель для обезжиривания металлоконструкций». Металлоконструкции твоего граффити на стене жилого комплекса бизнес-класса, видимо, требовали особого подхода?

Он бросил на стол фотографию. Глянцевую, плотную. На ней была стена. Моя птица. Черный трафарет смотрелся на бежевом керамограните как рана. Красиво. Я помнил ту ночь: ледяной ветер, дрожь в пальцах, когда заканчивался черный цвет, и пришлось домешивать остатки темно-синего. Получился эффект запекшейся крови. Жюри фестиваля уличного искусства назвало это «инновационным мрачным реализмом». Полиция назвала это порчей имущества.

— Это стоило двадцать тысяч? — переспросил я, просто чтобы заполнить вакуум звенящей тишины. Вакуум давил на барабанные перепонки.

— Это стоило тебе будущего, — отец подошел к столу. Его тень упала на мою птицу, перечеркнув ей крыло. — Ты понимаешь, что натворил? Мне звонит Ларионов. Мой партнер. Человек, который спонсирует мой новый проект в Си-ти. Он чуть не получил инфаркт, когда утром вышел поку-

ритель на балкон своей новой квартиры и увидел твой арт-объект прямо напротив панорамного окна. Знаешь, что самое смешное? Ему почти понравилось. Сказал, добавляет району брутальности. А потом посмотрел на подпись.

У меня внутри все оборвалось. Подпись. Вот идиот. Вместо обычного тег-нэйма (заковыристого псевдонима, который знают только свои), я машинально вывел внизу стены свою фамилию. Полностью. Кириллицей. Аккуратными печатными буквами. Как в школьном дневнике.

— Ларинов хочет судиться, Марк, — продолжил отец, снимая очки без диоптрий. Он носил их просто для солидности, чтобы казаться старше своих сорока пяти. Без них его глаза выглядели неожиданно уставшими. — Не против тебя. Против меня. За халатность. За использование ресурсов компании в личных целях. За то, что сын главного архитектора города метит территорию, как шелудивый пес. У нас отзывают лицензию на застройку квартала.

Вот теперь ноги коснулись пола. Холод паркета отрезвил лучше любой пощечины. Лицензия. Миллиардные контракты. Вся эта империя из стекла и бетона, которую он строил пятнадцать лет, могла рухнуть из-за трех баллонов краски и моего эго.

— Я верну деньги, — выпалил я. Горло пересохло. — Продам скейт, возьму подработку курьером.

— Замолчи, — отец положил ладони на стол. Костяшки побелели. Впервые за вечер в нем прорезалась настоящая,

неконтролируемая эмоция. Страх. — Курьером будешь работать тогда, когда получишь диплом. Чтобы понимать ценность каждой копейки. А сейчас мы будем лечить причину болезни, а не симптомы.

Он открыл ящик стола. Достал оттуда не ремень, не контракт на продажу моих потрохов в рабство. Тонкую пластиковую карточку. Красного цвета.

— Это ключ-карта от гимназии номер семь. Частное заведение. Бывшее здание дворянского пансиона. Сейчас там физико-математический лицей закрытого типа. Лучшие учителя области. Камеры в каждом углу. Выход в город — строго по выходным и в сопровождении куратора.

Я моргнул.

— Математика? Пап, я рисую. У меня моторика заточена под кисть. Если я начну считать косинусы, у меня пальцы отсохнут.

— Именно, — кивнул он. — Там жесткие физические нагрузки. Плюс курс прикладной физики. Тебе нужно научиться видеть структуру мира, Марк. Не только фактуру кирпича, но и напряжение, которое держит арку. Дисциплина. Расчет. И главное — никаких красок. Телефон заберут при входе. Одежда выдается стандартизированная. Серая. Вышивка с фамилией обязательна.

Он протянул мне карту через стол. Она легла на темное дерево между пустой золотой клеткой и фотографией моего преступления.

— Испытательный срок — три месяца. Если твои оценки не выйдут хотя бы на средний уровень «хорошо», или если охрана зафиксирует попытку пронести туда хоть грамм пигмента — я снимаю с тебя обвинение в семейственности. Передаю дело Ларионову. Пусть сажает. Может, год на баланде научит тебя отличать фасадную краску от эмали.

Я взял карту. Она была теплой. Пластик пах озоном и чужим страхом. Гимназия номер семь. В городе о ней ходили легенды похлеще, чем о колонии для несовершеннолетних. Говорили, оттуда выходят либо нобелевские лауреаты, либо пациенты психиатрических клиник с дергающимся глазом. Золотая клетка нового образца. Только прутья там будут из логарифмов и интегралов.

— Что будет, если я откажусь? — тихо спросил я, глядя не на отца, а на пустую клетку. Отец обошел стол. Он впервые за весь разговор сел. Не в кресло, а на гостевой стул напротив меня. Теперь наши лица были на одном уровне. Рост одинаковый. Возраст — пропасть.

— Тогда бери ключи от гаража, — ровным голосом сказал он. — Там стоят два полных ящика нитрокраски «Монтана» черная. Забирай. Рисуй. Стань самым известным вандалом этой области. Я оплачу лучших адвокатов. Мы проиграем суды. Мама продаст свои кольца. Мы переедем из этого дома в двушку в Бирюлево. Я буду преподавать сопромат в техникуме. Ты будешь счастлив. Год. Максимум два. Пока рука не начнет дрожать от химии, или пока тебе не проломают голо-

ву такие же свободные художники за маркер неправильного оттенка. Выбор за тобой. Искусство требует жертв, верно? Готов стать жертвой ради своего рисунка?

Он бил по больному. По моему собственному пафосу. Я ненавидел эту краску. Этот запах растворителя вызывал у меня тошноту последние полгода, но я продолжал дышать им, потому что ничего другого у меня не было. Признать поражение перед отцом означало признать, что вся моя «свобода» — это просто подростковые прыщи на теле его корпорации.

Я сжал красную карту так, что пластик впился в ладонь.

— Когда заезд? — хрипло выдавил я.

— Машина отвезет тебя завтра в шесть утра. Форма уже в багажнике. Размер подобран. Кроссовки придется оставить здесь. Там носят туфли.

Он поднялся, давая понять, что аудиенция окончена. Архитектор вернулся к своим чертежам. Я остался сидеть. Взял со стола фотографию своей птицы. Провел пальцем по глянцевой поверхности черного крыла. Завтра оно исчезнет. Закрасят толстым слоем серой штукатурки, люди в оранжевых жилетах. Люди, которые умеют считать смету.

Я перевернул фотографию. На глянцевом поле обратной стороны буквы расплывались. «Скорость убегания зависит от массы тела».

Завтра мое тело приобретет массу учебников. Посмотрим, хватит ли импульса.

В коридоре гулко стучали напольные часы. Раз. Два. Три. Маятник резал время на одинаковые, идеальные куски. Ни одного лишнего миллиметра. Прямо как линия жизни на руке моего отца. Которая, судя по всему, сегодня должна была закончиться моим позором.

Я спрятал карту во внутренний карман толстовки, туда, где сердце перестало биться и превратилось в холодный кусок свинца. Затем встал, подошел к окну. Город лежал внизу, залитый равнодушным светом фонарей. Где-то там, далеко от элитных променадов, была та самая музыкальная школа с облупившейся штукатуркой. Идеальное место. Чистое. Больное. Мое. Последний раз взглянуть на небо без решеток. Последний раз вдохнуть воздух, в котором нет запаха мела и дешевого линолеума.

— Дерьмо, — выдохнул я в стекло, оставив мутный след от дыхания. Птица на фотографии молчала. Ей тоже предстояло научиться петь в клетке. Главное — не сломать клюв о золотые прутья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.